

Юрий ОНОПРИЕНКО

«НОЧНОЙ РАЗБОЙНИК, ДУЭЛИСТ...»

(Продолжение. Начало в №108).

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

ВОЖДИ АЛЯСКИ, ДОЖДИ СИБИРИ

Шлюп "Нева" отправился в Новоархангельск, центр Русской Америки, а затем, подождя из Камчатки Крузенштерна с Резановым, и домой. Повёз царю приклепаный его неприкосновенной имперской печатью дурацкий обрывок бороды на палубе.

Да не довёз, где-то возле Мадагаскара разбило печать штормом, и слава богу, так и записали.

Фёдор же, скормя Кольке весь оставленный сердобольным Лисянским месячный провиант, аккуратно через месяц же и был подобран плавучим алеутом, который обиделся на слово алеут и сказал, что его маленький, но гордый народ зовут унанганы.

Он плыл к Аляске обыденно, как селянин в соседнюю деревню; менять два китовых уса, толстых, словно Ростральные колонны, на семь или восемь каких-нибудь пушистых шкур.

Был он в точности, как его антиподы на Маркизах; только вместо одной кожи имел вторую, вот такую меховую, что и воротники у московских приказчиков. Ну и глаза его были поуже, сусличьи, а рожица побелей.

Племя, куда он приплыл, называлось колоши, и оно всё плакало, потому что колошей ел гризли.

— Кто это такой? — спросил Фёдор у племенного колдуна, сделанного из беглого каторжника Мити с оторванным ухом.

— Да медведь придурочный, — ответил Митя. — Вот мне ухо разорвал.

— Врёшь, — засмеялся поручик, — это тебе в пыточной украшение сделали.

И пошёл искать того гризли. Без приготовления да лишним дум, с пустыми руками.

Видно, хотел вызвать медведя на pistols или шпаги, и абсолютно был уверен, что тот вызова не примет, получит мохнатую пощёчину и уйдёт с позором.

Но гризли явился без всякого вызова, при том оказался вдвое выше весьма неслабого графа. Фёдору ничего не оставалось, как быстренько взобраться на скалу, едва сохраняя благородную осанку.

Гризли, конечно, тоже полез, тем более что ему легче, без осанки-то.

Тут и конец пришёл нашему герою — то есть медведю. Граф обрушил на него сверху семипудовый камень, разбивший плоскую звериную башку в крошево.

Гризли упал со скалы прямо под ноги онемевшего племени. Мёртвая раскрытая пасть его была фиолетова, и даже из раздутых ноздрей по-прежнему светился фиолетовый огонь.

Колоши, выйдя из испуга, ритуально попрыгали, затем через Митю предложили поручику стать их вождём. Он обнажил на груди рисованную птицу, ответил:

— Я уже вождь. Если кто вас ещё обидел, скажите.

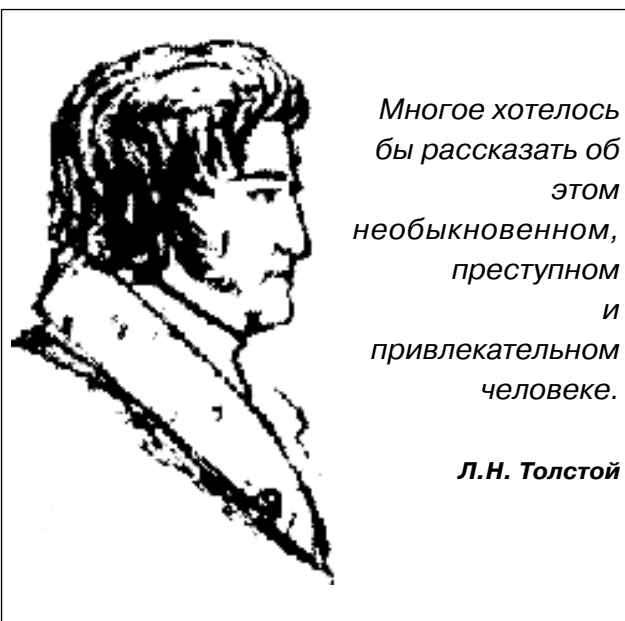
— Соседи обидели, нашу красную рыбу отняли.

— А-а, что вон за той горой? Я проходил мимо них, они сказали, что и всех вас рыбой сделают, потому что вы всего боитесь.

Манера стравливать маленьких людей, как породистых псов, так жестоко развлекавшая его ещё на корабле, сработала и сейчас. Колоши разошлись, схватили свои моржовые ножи и долго бегали с ними вокруг горы.

Соседнее племя, помолясь богам да пустив кровь жертвенным собакам, ушло наверх, к северным эскимосам, пробавляться олениной да делать из неё унты и чулки.

И это, наверное, был единственный народный мордобой в истории Аляски. Даже от глупой России к глупой Америке она перешла без единого фингала над узкой аляскинской скулой.

Многое хотелось бы рассказать об этом необыкновенном, преступном и привлекательном человеке.

Л.Н. Толстой

Правда, над розовой резановской щекой синяк появиться мог. Но Резанов от Толстого улизнул.

Толстой поджидал его от Камчатки, дважды посылал Митю в Новоархангельск. Митя вернулся со вторым разорванным ухом и сказал, что да, доплыл промышленник до Аляски, но только злой, потому как его посольская миссия в Японии с землетрясительным треском провалилась.

— Ага, потому что без меня! — вскричал на это Фёдор. — А сейчас он меня ищет?

— Разве ж я к нему ходил? Меня бы сразу в охапку, и в каталажке удавили, — ответил Митя. — Он же тут тоже самый главный вождь, он самую

ра, что его кормил. Краюху хлеба попросил, да невзначай насчёт твоего графства вернул...

— Ну?!

— Чего ну... не бей только... А-а, смеётся, помню; когда Николай Петрович обедал перед отправкой во Франциску, сказал за столом кому-то: "Хорошо, что Толстого на острове гнить ссадили, а то бы сейчас мне, чего доброго, пришлось его связанным везти. Такой невоспитанный негодяй этот поручик, и зачем Крузенштерн тогда в Кронштадте его себе на корабль в приятели взял?"

Дух зашёлся у Толстого. Если бы Резанов оказался здесь, это была бы единственная оправданная дуэль Толстого, потому что, по историческим свидетельствам, примерно так промышленник и отозвался о графе.

Толстой был, конечно же, ни в коем случае не негодяй; он был дитя рода и природы. Это был безумный кратер энергии; такой же вулкан всего через полвека забьёт у другого Толстого, великанская энергия которого изольётся в гигантские литературные свершения; у Фёдора же она уходила в беспримерные схватки с бытиём, схватки не только бесцельные и бесшабашные, но и, как позже убедимся, весьма благородные.

Все знатные фамилии, родившиеся и укрепившиеся во времена Петра да Екатерины, к двадцатому веку выродились — кроме фамилии Толстых, заметил историк Ключевский. Она одна стала ещё более знатной, знаменитой — именно благодаря своей изначальной буйной дикости; и изначальному, врождённому нравственному протесту против подлого, а это с горечью признают почти все великие литераторы, жизнестройства.

Резанов же... Да что Резанов. Не будем его винить, но и славить не хочется. Наверное, его фамилии сейчас не помнил бы никто, кабы не вселенская любовь несчастной девушки из Сан-Франциско, всю долгую свою жизнь прождавшей его, уплывшего на "Юлоне" и "Авоси" и погибшего в шторме. (Хотя, правды ради, он умер в марте 1807 года в Красноярске, в сухопутном своём возвращении в Петербург).

А в Новоархангельске этот государственный, расчётливый, как и все государственники, думал, конечно, вовсе не о сумасшедшем Толстом, а о высочайшем акционере своей здешней компании императоре Александре.

Ну да ладно. У нас повесть не документально-историческая, а авантюрно-приключенческая, и это гораздо ве-

селей. Отругавшись на всё приполярье и разбивши кулачищами с десяток еловых стволов, Фёдор сложил с себя полномочия туземного вождя.

На прощание научил колошей татуировке и научился у них заговаривать зубную боль.

Вечно зябнущего Кольку отдал колдуну Мите, поручил получше кутать его в шкуры и сажать поближе к костру. Колька, правда, вскоре сбежал из племени и стал гордо бродить один, всё

главную компанию завёл, Русско-Американскую. Когда твои-то корабли домой в Петербург отплыли, он тут всем приказы раздал и сам на каком-то корабельке, "Юлона", что ли, куда-то в американскую Сан-Франциску отчалил, там приказы давать.

— Как отчалил? — схватил Митю за остатки ушей пораженный поручик. — Ты хоть и колдунишка тутотшний, а я тебя живо на жертвеннике зажарю! Говори, какие он указания насчёт меня дал!

Митя притворился умершим, как жучок, тронутый пальцем.

— Клянусь волей, ничего они там про тебя, барин, не знают, кого только я по колицам ни спрашивал.

— Почему возле управы не покрутился?

— Крутился; и там выпрашивал, у самого даже пова-

более вырастая в собственных обезьяньих глазах. Быть может, именно этот низенький экваториальный орангутанг дал начало загадочному и огромному аляскинскому снежному человеку.

Но сие есть шутка.

Сам же Фёдор Иванович, без денег, документов, одежды и походных вещей, как-то добрался сначала до Камчатки, потом до материковых охотничьих троп — и целый год, изредка подвезжая на промысловых обозах, а то всё больше пешком, пробирался по диковинной планете по имени Россия.

Только столь же космически-диковинный спутник мог одолеть задуманное. Толстой шёл в Петербург.

Продолжение следует.